

чены византийские камни и отдельные литки, хранившиеся в русских монастырях, в патриаршей ризнице и т. п. Судьбы некоторых памятников прослеживаются до XVI, XVII, а иногда и до XVIII и XIX в. главным образом благодаря русским оправам. Вызывает сомнение закономерность включения таких памятников в свод.

С другой стороны, автором не учтены различные каменные иконки (часто фрагментированные или, быть может, менее высокого художественного качества), хранящиеся в фондах Гос. Эрмитажа, Гос. Херсонесского музея и, по всей вероятности, в других музеях. Надо сказать, что и камни с судьбой, вполне аналогичной судьбам тех памятников, которые введены в оборот В. П. Даркевичем, имеются в других русских городах, прежде всего в Пскове.

Не вполне отчетливы и границы, охватываемые сводом: здесь представлены памятники не только Древней Руси, но и Херсонеса, а в одном случае Аджарии, однако нет памятников Грузии и Армении.

А. Я. Каковкин. Коптские ткани из фондов Эрмитажа. Л., 1978. 72 с. + 51 илл.

Вклад христиан Египта — коптов в сокровищницу мирового искусства чрезвычайно весом. Особой известностью пользуются происходящие из христианских захоронений в Египте разнообразные тканые изделия, условно называемые «коптскими». Эрмитаж — крупнейший обладатель таких памятников, уступающий, пожалуй, только Коптскому музею в Каире. В его собрании насчитывается около 3300 образцов, что составляет почти $\frac{1}{10}$ часть этих произведений, хранящихся в мировых коллекциях. Начало эрмитажному собранию коптских тканей было положено в 1880-х годах, когда в музей попало несколько десятков тканей, принадлежавших К. Тишендорфу, А. Бобринскому, Ибрагиму Бедиру. Основное ядро эрмитажной коллекции составили более 2000 тканей, привезенных из Египта в 1889 и 1898 гг. хранителем музея В. Г. Бок (1851—1899). Впоследствии собрание неоднократно пополнялось (вещи из Музея быв. Училища технического рисования А. Л. Штиглица, коллекции Б. А. Тураева, И. И. Толстого и др.). Начало изучению эрмитажной коллекции коптских тканей положил В. Г. Бок. В январе 1890 г. он выступил в Москве на VIII археологическом съезде с докладом о коптских тканях¹. В советское время ряд ценных работ коптским тканям Эрмитажа посвятили К. С. Ляпунова² и М. Э. Матье³. Событием в медиевистике явился выход в свет

¹ Бок В. Г. О коптском искусстве: Коптские узорчатые ткани. — В кн.: Труды VIII археологического съезда. М., 1897, т. III.

² Ляпунова К. С. Коптская ткань с мифом о Геракле. — ТОВГЭ, 1939, т. I, с. 211—219; Она же. Изображение Дио-

Отбор памятников производит впечатление известной случайности: источником здесь служили по преимуществу различного рода публикации, в противоположность привлеченному вниманию автора серебряным чашам памятники по большей части лично не изучены. Знакомиться с фондами музеев не так просто, и эта работа не проделана. Вследствие такой неполноты страдают и те полезные карты находок произведений византийского художественного ремесла, которые приложены к этой главе книги.

Однако заключительные страницы исследования, посвященные связям Восточной Европы (преимущественно Руси) с Византией, по археологическим и нумизматическим данным представляют интерес и должны быть учтены историками.

Таким образом, рецензируемая книга неравноценна в своих отдельных частях и в известной мере искусственно объединяет разные работы, осуществленные автором.

А. В. Банк

из фондов Эрмитажа. Л., 1978. 72 с. +

в 1951 г. каталога эрмитажного собрания коптских тканей, подготовленного к печати перед Отечественной войной⁴. Однако этот каталог, включавший чуть более 400 номеров, охватывал только ранние ткани (IV—VI вв.) и полного представления о составе эрмитажной коллекции не давал. Появившиеся в последующие годы несколько публикаций⁵ по существу не изменили положения. Этот пробел удачно сглаживает рецензируемый каталог и устроенная в декабре 1978—январе 1979 г. в Растреллиевской галере-

ниса на тканях византийского Египта. — ТОВГЭ, 1940, т. III, с. 149—159.

³ Матье М. Э. Древнеегипетские мотивы на тканях византийского Египта. — ТОВГЭ, 1940, т. III, с. 117—147.

⁴ Матье М. Э., Ляпунова К. С. Художественные ткани коптского Египта. М.; Л., 1951 (см. рецензию на эту работу А. В. Банк — ВВ, 1953, 6, с. 288—294).

⁵ Певзнер С. Б. Ткани как источник для истории средневекового ремесла Египта. — ПС, 1962, 9 (72), с. 121—131; Быстрикова М. Г. К вопросу об иконографических темах на коптских художественных тканях. — СГЭ, 1965, XXVI, с. 28—31; Она же. Коптская ткань VI—VII вв. — СГЭ, 1971, XXXII, с. 44—46; Она же. Коптская ткань V—VI вв. из собрания Государственного Эрмитажа. — ВДИ, 1971, № 3, с. 107—112; Она же. Коптская ткань второй половины VII—VIII века со сценой Прославления Марии. — СГЭ, 1978, XXXIX, с. 44—46; Каковкин А. Я. Эпизоды истории Иосифа на коптских тканях Эрмитажа. — В кн.: Краткие тезисы докладов научной конференции «Культура и искусство Византии», 6—10 октября 1975 г. Л., 1975, с. 19—20.

рее Эрмитажа временная выставка коптских тканей из фондов музея (дополненная образцами коптской скульптуры V—VIII вв.).

Построение каталога традиционно: краткое вступление (с. 3—11), собственно каталог (117 номеров, с. 14—69) и список литературы (42 названия, с. 70—71).

Во вступлении автор знакомит с историей ткачества в Египте IV—XII вв., важнейшими этапами его развития (в основном совпадающими с главными веками эволюции коптского искусства), с различными видами техники ткачества, а также характеризует в общих чертах коллекцию музея и историю ее изучения.

Разнообразие эрмитажной коллекции по используемым материалам, технике выполнения, назначению вещей, их убранству позволяет довольно полно представить картину развития этой отрасли художественного ремесла египтян и их соседей, проследить изменения стилистических особенностей и эстетических представлений создавших памятники мастеров и пользовавшихся ими людей. Примечательно, что в каталог включены не только первоклассные, широко известные образцы IV—V вв. (медальон с изображением богини земли Гэ, вставки со сценами дионисийского культа, подвиг Геракла, «Суд Париса» и др.), но ряд интересных, неизвестных доселе образцов V—XI вв. (петельчатая ткань с изображением дельфина, двусторонняя ткань со сценой охоты, «Ланимед, кормящий орла» и др.), а также серия обычных фрагментов, позволяющих представить массовую продукцию египетских тканей. Очень интересны образцы шелков VIII—IX вв.

Вслед за образцовыми на сегодняшний день изданиями каталогов коптских тканей Лувра⁶ и ГМИИ им. А. С. Пушкина⁷ А. Я. Каковкин представляет в сжатой форме каталожные данные, давая лишь самые необходимые сведения о вещах, включающие обязательные ныне указания на плотность тканей, кручение нитей, экземпляры-аналоги из других собраний.

Построен каталог по хронологическому принципу. Вопросы датировок памятников коптского искусства (а тканей в особенности), несмотря на усилия нескольких поколений исследователей, в общем остаются проблематичными и, за редким исключением, не выходят за пределы определения «относительной хронологии». Думается, что автор разумно поступил, руководствуясь в этих вопросах, говоря его словами, «принципами обобщенной стилистической хронологии». Предлагаемые им датировки и передатировки некоторых ранее опубликованных вещей (№ 22, с. 21) вполне убедительны, уточнение деталей изобра-

жений и сюжетов (№ 11, с. 16; № 104, с. 59, 61) приемлемы. Вполне правомочны и широкие даты VI—VIII вв. для определенной категории памятников (№ 63, с. 39). Понятен и знак вопроса рядом с датой таких произведений, как № 83, с. 49.

Нельзя не отметить и такого важного момента: подбор вещей по хронологическим периодом в целом отражает количественный состав музейного собрания.

Нам кажутся плодотворными мысли автора о том, что древние художественные традиции дольше всего сохраняются на тканях, создававшихся ткачами для людей своего круга, и что живучесть классической тематики объясняется стремлением коптов в период арабского господства утвердить ценность своего культурного и исторического прошлого. (с. 9).

Список литературы довольно полон, хотя в него стоило бы включить работы американских исследователей Луизы Беллинджер и Рудольфа Берлинера, по-новому освещающие ряд проблем, связанных с изучением коптских тканей⁸.

Отрадно отметить, что в каталоге всего лишь одна опечатка: местечко Ассупт дважды (с. 3, 9) обозначено как Ассут, — и чуть ли не половина вещей воспроизведена. Об иллюстрациях хочется поговорить особо. Внешнее оформление каталога неплохое, но явно неудачно для научной работы размещение некоторых иллюстраций (№ 61), нелепые срезы, «вылет» со страниц некоторых вещей (№ 40, 57, 72, 74), внесмасштабность ряда памятников (№ 29, 75, 101, 109, 110) и т. п. По меньшей мере спорно размещение каталожных данных — вдоль страниц.

В целом же рецензируемый каталог, представляющий серьезную публикацию части эрмитажного собрания, несомненно, выходит за рамки обычных каталогов музейных временных выставок. Он, бесспорно, будет с интересом встречен не только коптологами и связанными с текстильным производством специалистами, но и людьми, интересующимися средневековым искусством, вопросами иконографии.

Ю. В. Трубинов

⁸ *Bellinger L. Textile Analysis: Early Techniques in Egypt and the Near East. — Textile Museum Workshop Notes, N 2. The Textile Museum, June 1950; Eadem. Textile Analysis: Early Techniques in Egypt and the Near East, part 2. — Textile Museum Workshop Notes, N 3. The Textile Museum, April 1951; Berliner R. A Coptic Tapestry of Byzantine Style. — TMJ, November 1962, vol. I, N 1, p. 3—22; Idem. Horsman in Tapestry roundels found in Egypt. — TMJ, December 1963, vol. I, N 2, p. 39—55; Idem. Tapestries from Egypt Influenced by Theatrical performances. — TMJ, December 1964, vol. I, N 3, p. 35—49; Idem. Remarks on Some Tapestries from Egypt. — TMJ, December 1965, vol. I, N 4, p. 20—41; Idem. More about the developing islamic Style in Tapestries. — TMJ, December 1966, vol. II, N 1, p. 3—14.*

⁶ *du Bourguet P. Musée National du Louvre: Catalogue des Étoffes Coptes. Paris, 1964, I.*

⁷ *Шуринова Р. Коптские ткани: Собрание Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. М.; Л., 1969.*